

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44
Х99

Samuel J. Halpin

THE PECULIAR PEGGS OF RIDDLING WOODS

Copyright © Samuel J. Halpin, 2019

Cover and inside illustrations reproduced by permission
of Usborne Publishing Limited.

Copyright © 2019 Usborne Publishing Ltd.

Cover and inside artwork

by Hannah Peck © Usborne Publishing Ltd, 2019

Type by Leo Nickolls © Usborne Publishing Ltd, 2019

Dirt frame overlay © Thinkstock / jakkapan21

Translation copyright © 2020, by EKSMO

Хэлпин, Сэмюэл Дж.

Х99

Очень странные Щеппы / Сэмюэл Дж. Хэлпин ;
[перевод с английского А. В. Дёминой]. — Москва :
Эксмо, 2020. — 384 с.

ISBN 978-5-04-106143-2

Это история о сонном городке под названием Пена, месте, где воздух полнится историями о бесследно исчезающих детях. Поппи предстоит провести лето у бабушки в Пене. Скукутища... Однако очень скоро начинают происходить странности! Девочка находит записную книжку с обложкой будто из тончайшего шёлка, бабушка говорит, что кусочки сахара надо обязательно запирать на ночь, чтобы не случилось беды, а в Пене тем временем пропадают дети. Это началось много лет назад. И с тех пор детей в Пене становится всё меньше. Объединившись с новым другом по имени Эразмус, Поппи берётся выяснить, что творится в городке. Как с исчезновением связана заброшенная ткацкая фабрика, расположенная в мрачном Загадочном лесу? Почему окружающие вздрагивают при одном упоминании о последних хозяевах фабрики — странных Щеппах?

УДК 821.111-93
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-106143-2

© Дёмина А.В., перевод на русский язык,
2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

*Маме, папе, Джорджине,
Джулиану, Микаэле,
Камилле, Ксавьеру и Реми*

Пролог Взволнована

Поппи никак не могла перестать волноваться. Вытянув шею, она прижала разрумившуюся щёку и нос к холодному стеклу окна вагона и попыталась сосредоточить взгляд на пронсящихя внизу камешках и рельсах.

«Дыши, — сказала она себе. — Дыши».

Она всегда так делала, когда сердце решало сыграть в игру, будто Поппи бежала со всех ног на гору, хотя на самом деле ничего такого не происходило.

«Я не волнуясь», — решительно заявила она своему отражению.

У отражения были серо-голубые глаза и короткие любопытные волосы цвета ржавчины и кир-

пичей, совсем как у неё. Но она не думала, что её собственные локти действительно такие острые, а руки настолько тонкие, как те, что она видела в отражении. Достав из рюкзака куртку, она надела её поверх бутылочно-зелёного кардигана, чтобы спрятать эти огромные острые локти. Собственноручно сшитый кардиган покрывал её любимое вельветовое платье мандаринового цвета, как мох — старое дерево. У платья были два замечательно больших кармана спереди, куда помещалась куча полезных мелочей, и Поппи любила надевать его, когда у неё было творческое настроение или она отправлялась в долгое путешествие.

БЕРЕГИС ШЕПЕЛЯВОГО МАРЛИ

...прочла она неровную надпись на стене вагона и сердито подумала: «Неужели, тот, кто не пожалел полчаса на царапанье пластика, не знал, что «берегись» пишется с мягким знаком на конце?»

И тут же одёрнула себя: «Не будь такой занудой».

Поппи захватила с собой к бабушке лишь один рюкзак. В конце концов, она собиралась пробыть в Пене всего две недели до конца летних каникул (пока папа в отъезде), поэтому вещей у неё было не так уж много. Этот рюкзак был с ней уже ну очень давно. Она была не из тех, кто нуждается

в обновках. Если подумать, кому нужны новые вещи? Всем, кроме Поппи.

Для Поппи новые вещи означали новые запахи. Новые туфли обещали новые мозоли. Новый рюкзак гарантировал, что ты засадишь под ноготь иголку циркуля, пока будешь искать внутри линейку. Поппи не любила *новое*. Чтобы что-то было новым, что-то другое должно стать старым, а это что-то старое, в свою очередь, могло с большой вероятностью оказаться забытым.

Как и почти всегда, когда едешь на север, пейзаж за окном становился более зелёным и менее цивилизованным. На смену многолюдной мозаике полей пришли тихие и нетронутые полосы листвы и голых стволов с редкими белыми вкраплениями в тех местах, где меловые пласты, пронизывающие почву этой части страны, поднимали над поверхностью свои рыхлые головы.

Очередная станция осталась позади, и Поппи попробовала позвонить бабушке, чтобы напомнить, когда её следует встретить. Бабушка не ответила. Бабушка редко брала трубку. Но Поппи не волновалась. Именно так она и сказала себе, опять: «Я не волнуюсь». Потому что если бабушка что-то никогда и не делала, так это не забывала. Ничего и никогда.

Поезд вошёл в поворот, и Поппи увидела впереди, как вагоны один за другим, будто гусеница,

исчезают в туннеле. Вскоре вагон, в котором ехала Поппи тоже погрузился во тьму. Девочка затаила дыхание и успела досчитать до восьми, прежде чем поезд выскочил из противоположного конца туннеля. Они с мамой постоянно так делали, когда проезжали на машине по туннелям, ведущим в Лондон. Самый долгий их счёт достигал сорока трёх секунд.

Сердце Поппи запыхтело в ритм с мотором поезда.

«Прекрати, глупая ты штуковина», — подумала она, обращаясь к тому месту в груди, где, по её предположению, находилось сердце.

Бросив взгляд вдоль длинного покачивающегося вагона, она заметила, причём, кажется, впервые, сидящую в самом конце, у раздвижных дверей, высокую женщину. Она смотрела в окно и сжимала пальцами тонкую серебряную трость.

«Не похоже, чтобы ей нужна была трость», — подумала Поппи.

Обычно если кому-то нужна была опора при ходьбе, люди пользовались ходунками, или проворными маленькими скутерами, или кресельными подъёмниками (их часто устанавливают на лестницах в домах у пожилых).

На женщине был вельветовый пиджак с россыпью блестящих булавок и серебристая шапка с пером, таким закрученным, что оно почти запуталось

в тёмных кудрях. Женщина улыбалась. Кажется, она знала, что Поппи за ней наблюдает.

Не отворачиваясь от окна, женщина сняла одну из зелёных перчаток и быстро сунула руку в карман, но Поппи всё же разглядела её узловатые пальцы. Сердце Поппи заколотилось. Руки женщины были совсем не такие, как лицо. Лицо было как стекло, а руки — как запятнанная бумага.

Поппи на секунду отвернулась, но так, чтобы видеть женщину краем глаза. Та достала из кармана маленький кошелёк в тон пиджака. Открыв его, она вынула зеркальце и поправила скрюченным пальцем кудри.

По обеим сторонам поезда, подобно искорёженным дымоходам, вздымались ввысь чёрные деревья, росшие вокруг Пены.

Поппи не заметила ещё одного туннеля, и затопившая вагон тьма застала её врасплох. Девочка опять задержала дыхание и принялась считать:

«Один, два, три...»

Что-то громко стукнуло по дну вагона.

«Четыре, пять, шесть...»

Она закрыла глаза.

«Семь, восемь, девять...»

Солнечный свет вернулся, и Поппи увидела впереди ржавую крышу станции Пена. Девочка обвела взглядом вагон. Женщина исчезла.

Но как такое возможно? Поезд ехал в туннеле всего девять секунд. Может, женщина ушла в соседний вагон? Но Поппи не слышала, чтобы раздвигались двери.

Динамики прокряхтели что-то насчёт «не забывайте свои вещи» и «конечная».

Поппи забросила рюкзак за узкие плечи и встала около дверей. И тут она заметила забытый на сиденье кошелёк той женщины. Он был почти такого же мягкого зелёного оттенка, как обивка сиденья. Поппи бы его проглядела, если бы не топталась на месте в попытке просунуть руку в лямку набитого рюкзака. Двери открылись, в вагон ворвался осенний ветер, и Поппи, вместо того чтобы, как обычно, всё хорошо обдумать, схватила кошелёк и сунула его в один из своих замечательно больших карманов.

Один Ткань

— Сними ключ с моего запястья, — сказала бабушка Поппи, когда они зашли в дом.

Поппи один раз уже навещала бабушку. Тогда Поппи было года три или четыре, и мама привезла её на машине на один день. После этого бабушка несколько раз приезжала к ним в гости на поезде, а так Поппи разговаривала с ней только по телефону. Но всё это было не важно, потому что бабушкин дом пах точно так же, как она помнила: тёмным деревом, мускусом и сахаром.

— Подойди к шкафчику у камина и осторожно приоткрой дверцу.

Поппи сделала, как было велено.

— Теперь одной рукой подними крышку банки, что завёрнута в марлю.

Поппи послушалась. Черчилль, бабушкин мини-пиг, покружил по кухне, что-то возбуждённо вынюхивая, затем бросился через дверь к своей корзине и улёгся в тепле у камина, в котором тихо горело толстое бревно, окружённое сухими сучьями. Мама всегда говорила, что на её памяти ни разу не случалось так, чтобы в бабушкиной гостиной не трещало пламя в камине.

— В Пене всегда на семь градусов ниже, чем где-либо ещё, — добавляла она. — И если тебе не нравится погода, достаточно просто посмотреть в другую сторону, потому что температура в Пене изменчива, как ветер.

— Найди щипцы и возьми два кусочка сахара. — Бабушка сощурилась на Поппи из другого конца комнаты. — Bravo. Теперь крепко-крепко зажми кусочки в кулаке, но так, чтобы они не крошились. Закрой шкафчик. Принеси мне ключ.

Поппи *в точности* выполнила все бабушкины указания.

— Опusti сахар в мой чай, только очень осторожно, чтобы не было всплеска.

Сделав это, Поппи размешала чай.

— Превосходно! — прошептала бабушка, с шумом отпив. — А-а-ах!

Она чмокнула губами.

На Поппи это не произвело никакого впечатления.

— Вскоре ты поймёшь, что я далеко не истинная леди, Поппи, — сказала бабушка, уловив безмолвное неодобрение внучки. — Не в том смысле, что я не девочка. Я очень даже девочка. А в том смысле, что я говорю с полным ртом. Ставлю локти на стол. *Обожаю* перебивать людей.

Она подмигнула ей маленьким глазом.

Поппи не знала, что сказать, поэтому сменила тему:

— Бабушка, почему ты прячешь сахар?

Бабушка опять отпила и устроилась поудобнее. На ней был мятый шёлковый халат цвета жжёного бренди, как она сама говорила, и шапочка, съехавшая набок, как размякшее на солнце авокадо. Поппиным глазам нравился этот цвет. Жжёное бренди заставляло её думать о чёрном кофе, янтаре и каштанах. Шапочка напоминала феску, а её кисточка пританцовывала вокруг пышных бабушкиных волос. На носу, обрамляя сине-зелёные глаза, сидело медное пенсне.

Поппи нравилось рассматривать бабушкино кресло. Оно было изрядно потёртым, в заплатках и исколото сотнями блестящих булавок. Бабушка всегда говорила, что лучшие идеи посещают её именно в этом кресле. Она называла его Троном Мудрости.

Бабушка была швейей и могла сшить абсолютно всё, что угодно. Представьте любой костюм — она могла его сотворить. Чешуйчатый морской монстр, одеяния золотого султана или гоблин, всю одежду